

Богдановский И. В. Изменение ценностных ориентаций: влияние глобализации и сопротивление традиций.

В статье противопоставляются традиционные ценности украинского этноса установкам потребительского общества. Отмечается, что интеграция в европейское сообщество требует принятия руководством нашей страны правильных решений, которые бы способствовали сохранению тех отечественных традиций, которые доказали свою практическую полезность, и распространению тех новых для нашего общества западных методов регулирования общественных отношений, которые доказали свою эффективность.

Ключевые слова: глобализация, традиции, ценности, христианство, образование.

Bogdanovsky I. V. Change value orientations: the impact of globalization and resistance traditional.

In the article traditional values of the Ukrainian nation compared with the orientation of consumer society. Integration into the European community calls for leadership of our country right decisions, that would promote the preservation of local traditions, that have proven their practical utility, and the spread of the new society to Western methods of regulating social relations that have proven effective.

Keywords: globalization, traditions, values, Christianity, education.

УДК 28:323.272(477.61/62)

Брилев Д. В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УММЫ В КОНТЕКСТЕ МАЙДАНА И ВОЕННОГО КОНФЛИКТА НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

Статья посвящена трансформациям в украинском мусульманском сообществе, а также изменению отношения к украинским мусульманам со стороны общества в условиях социально-политического и военного конфликта в Украине в 2013-2015 гг. С позиции концепции Э. Геллнера о взаимосвязи национализма и исламского реформизма рассмотрены трансформационные процессы внутриукраинской уммы. Показаны возможные варианты дальнейшего развития событий, а также проблемы, с которыми могут столкнуться украинские мусульмане.

Ключевые слова: ислам в Украине, исламофобия, исламский реформизм, военный конфликт, Майдан.

События, происходившие в Украине на рубеже 2013 и 2014 года, и продолжающиеся до сих пор, вызвали радикальный пересмотр многих устоявшихся стереотипов, разрушение прежних общественных отношений и установление новых.

В значительной степени эта трансформация затронула и мусульманское сообщество Украины. В публичном пространстве Украины происходит интенсивная трансформация мусульманской тематики и затрагивающая всех украинских мусульман.

В своей статье я постараюсь показать, как с декабря 2013 года по настоящее время происходила актуализация “мусульманского вопроса”, как менялось отношение украинского общества к мусульманам Украины с негативного на нейтральное и даже умеренно-дружелюбное. Также я постараюсь показать как трансформировались отношения внутри украинской уммы, как на фоне общей радикализации общества в условиях вооруженного конфликта происходила легитимизация вооруженного джихада. В заключение я попробую показать возможные варианты дальнейшего развития событий,

а также проблем, с которыми могут столкнуться украинские мусульмане.

Теоретической базой моего исследования стала концепция Э. Геллнера о национализме применительно к мусульманскому сообществу, сформулированная ученым в нескольких работах, базовой из которых является *Muslim Society* (1981), а также более поздние “Нация и национализм” и “Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники” (1994). Апеллируя к идее Макса Вебера о том, что становление капитализма (или индустриального общества) происходило параллельно с трансформацией религиозной этики и даже в значительной мере было обусловлено этой трансформацией, Геллнер распространил ее на ислам.

По мнению ученого, способы адаптации ислама к современному миру были не заимствованы у Запада, а найдены внутри самой мусульманской традиции в виде “официальной” или “пуританской” версии ислама, которая трансформировалась в мусульманский фундаментализм, схожий с протестантизмом. В то же время, “народный” или “неофициальный” ислам, который доминировал в аграрном обществе, исчез или исчезает под напором модернизации. Таким образом, исламский фундаментализм рассматривался ученым как аналог европейского национализма и одновременно как его альтернатива.

В своем исследовании я обращаюсь к концепции Геллнера в той части, где он указывает на тесную взаимосвязь двух феноменов – национализма и исламского фундаментализма, или шире – реформизма. В случае с украинскими событиями и на примере украинской уммы эта связь отчетливо дает о себе знать, что я и покажу в дальнейшем, хотя и не столько в связи с процессами модернизации, пережитыми украинским обществом еще в первой половине XX ст., сколько в связи с актуализацией национализма в результате внутренней и внешней угрозы (про-российского сепаратизма на востоке Украины и аннексии Крыма соответственно).

До рассматриваемого социально-политического, а позднее – и военно-политического кризиса отношение к мусульманам в украинском обществе различными исследователями оценивалось по-разному, хотя большинство авторов соглашались с наличием исламофобии. К примеру, по мнению руководителя Группы мониторинга прав национальных меньшинств Вячеслава Лихачева исламофобия стала одной из наиболее актуальных форм ксенофобии в Украине [8], а по словам руководителя отдела внешних связей Меджлиса крымскотатарского народа Али Хамзина, в Украине царит “агрессирующая шовинистическая исламофобия” [19].

Подобное отношение связано прежде всего с общим уровнем ксенофобии в украинском обществе. Согласно данным социологического исследования “Региональная толерантность, ксенофобия и права человека в 2012 году”, индекс межэтнической дистанционности в 2012 году составил 4,5 балла по 7-ми бальной шкале, что характеризует характеризуют межэтнические, межрасовые и межнациональные отношения в украинском обществе как *умеренно отчужденные*. При этом для Западной Украины характерны выраженные ксенофобские установки относительно арабов, чернокожих, крымских татар и евреев, а для Восточной Украины – азиатов, арабов, а также представителей западноевропейской и атлантической национально-культурной

группы (немцев, французов, американцев, канадцев). Результаты исследования показывают, что мусульманские этносы занимают в списке одно из ведущих мест [20].

Ситуация резко изменилась буквально за несколько месяцев социально-политического конфликта, получившего название Майдан, а также во время российско-украинского конфликта, последовавшего за ним.

Следует отметить, что с самого начала протестов среди мусульман Украины не было единства в том, как относиться к Майдану. Многие украинские мусульмане являются выходцами из России, имеют там многочисленных родственников, и потому они не воспринимали антироссийскую и прозападную риторику протестов. Единственной группой мусульман, которые безоговорочно приняли сторону протестующих, стали этнические украинцы, принявшие ислам. При этом стоит отметить, что Майдан поддержали украинцы-мусульмане, придерживающиеся иногда противоположных интерпретаций ислама – от сторонников традиционалистского аполитичного ислама до приверженцев радикальных течений типа джихадистского салафизма. То есть мы можем в данном случае говорить о том, что национальная идентичность оказалась сильнее религиозной. Или же, соглашаясь с Эрнстом Геллнером, принять его положение, высказанное в работе “Muslimsociety” “два процесса, “пурификация” или радикализация религии, и национализм тесно переплетены, до такой степени, что трудно сказать, какая из них является “всего лишь” внешней формой другого...” [23, p. 59].

Не было единства и среди основного мусульманского этноса Украины – крымских татар. Так, ярким примером раскола мусульманского сообщества по вопросу отношения к антиправительственным выступлениям, стало участие представителей крымскотатарских салафитов из организации “Себат”, занимавшейся силовыми захватами земельных участков в Крыму, в Антимайдане [15].

С другой стороны, широкую известность получила чеченка Амина Окуева, хирург по образованию, присоединившаяся к протестующим в качестве добровольца-медика. Придерживаясь салафитских взглядов, она в отличие от своих единомышленников из “Себата” приняла сторону протестующих.

Определенную позитивную роль в изменении отношения украинского общества к мусульманам сыграл “молитвенный марафон”, который с начала марта 2014 года проходил в Донецке [6].

Свою роль сыграла и позиция крупных религиозных объединений мусульман, в частности, Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ), которое вместе с Всеукраинским советом церквей и религиозных объединений, членом которого оно являлось, заняло миротворческую позицию по отношению ко всем сторонам конфликта, и принимало активную посредническую роль в переговорах между властями и протестующими [4].

Однако ключевую роль в изменении отношения части общества к мусульманам сыграли события, последовавшие за победой Майдана, импичментом президенту Януковичу, и приходом к власти оппозиционных сил. Такими событиями стали аннексия Крыма Россией и сепаратистское движение на востоке Украины, в Донецкой и Луганской

областях, имеющее четкую пророссийскую позицию.

В марте 2014 года Россия аннексировала Крым. При этом, согласно социологическим исследованиям, из наиболее крупных этнических групп Крыма (русских и крымских татар), наименее пророссийски настроенным было именно мусульманское население полуострова – крымские татары [7]. Новая центральная власть Украины, находилась в сложной социально-политической и экономической ситуации, и было не в состоянии противостоять военной агрессии. По этой причине патриотически настроенная часть общества рассчитывала на противодействие крымских татар пророссийским силам на полуострове. В публикациях того периода, социальных сетях можно было часто встретить высказывания о том, что крымские татары объявят России джихад, что они настоящие воины и тому подобные [21]. Что любопытно, в подобных высказываниях также проявляются существовавшие (и существующие) в украинском обществе стереотипы об исламе как религии войны, и о воинственности как одной из главных характеристик мусульман. Просто теперь эта воинственность оказывалась востребованной перед лицом внешней угрозы ослабленному внутренними распрями обществу. Более того, подобные стереотипы имели место не только среди рядовых граждан, но и среди иерархов церквей. К примеру, во время одной из межконфессиональных встреч, глава одной из крупнейших христианских конфессий Украины спрашивал у представителей украинских мусульман, когда те собираются объявлять джихад России.

Важную роль в антитеррористической операции стали играть добровольческие батальоны, в состав которых вошли в том числе и представители мусульман. Наиболее интересным феноменом стал добровольческий батальон “Отдельная сотня “Крым”, в значительной степени укомплектованный крымскими татарами, покинувшими Крым после аннексии полуострова Россией, а также украинцами, принявшими ислам [17]. Основной мотивацией этой группы добровольцев стала борьба с Россией и пророссийскими силами, которые ассоциируются с антиисламской политикой. Военные действия против сепаратистов самими бойцами сотни рассматриваются как оборонительный джихад (*джихад аль-дафа’а*).

Как заявлено на сайте этого подразделения: “...мусульмане Украины считают эту войну оборонительным джихадом (Священной войной). Мусульмане Украины в лице отдельной сотни “Крым” вышли на рубежи своей Отчизны для того, чтоб защитить себя и своих соотечественников, защитить свои семьи и своих близких, защитить свою честь и имущество, а также честь и имущество своих сограждан, невзирая на то, какого они вероисповедания или какой национальности. Мусульмане из сотни “Крым” готовы отстаивать естественное право свободно исповедовать свою религию, то право, которое украинская держава давала мусульманам в полной мере. Причем мусульмане России такого права сегодня не имеют” [16].

Причиной проукраинских настроений среди представителей идеологии политического активизма в исламе стало в первую очередь либеральное религиозное законодательство Украины, не предусматривающее запрета тех или иных религиозных организаций, отсутствие списка экстремистской литературы и т.д. К примеру, в Украине

открыто действовали общины Хизбут-Тахрир, проводившие в Крыму международные съезды своей партии [3]; также без особых препятствий действовали салафитские общины, организации связанные с движением “Братья-мусульмане”. После аннексии Крыма на полуострове резко ухудшилась обстановка в религиозной сфере: начались обыски в мечетях, медресе, развернулась компания в СМИ, направленная против течений, запрещенных в России, таких как салафизм, Хизбут-Тахрир, Нурджулар и прочих [11]. В крупных интернет-изданиях появились заголовки типа “Исламисты в Крыму что-то затевают” [12], в и без того исламофобски настроенном крымском обществе нагнетаются антиисламские настроения. В религиозном поле остаются только те организации, которые исповедуют лояльную прогосударственную пророссийскую позицию.

Формирование в среде украинских мусульман милитаристских настроений не прошло незамеченным международными радикальными движениями. Абдул Карим Крымский, возглавляющий “крымскотатарский джамаат” (боевой отряд) в составе “Джейш аль-Мухаджиринваль-Ансар”, в распространенном в мае видеосообщении призвал крымских татар “вспомнить своих предков, которые брали дань с Москвы” и “встать на путь джихада” против России, а также уравнивал Украину с Россией, как территории, на которых неверные унижают мусульман [1].

Важное место в формировании позитивного образа украинских мусульман и межрелигиозного диалога занимают военнослужащие регулярных частей Вооруженных сил Украины (ВСУ), исповедующие ислам. Среди них широко представлены как этнические мусульмане, так и украинцы, принявшие ислам. К примеру, в одной из механизированных бригад ВСУ служат 10 мусульман – этнических украинцев, двое из которых сделали это непосредственно во время проведения антитеррористической операции на Донбассе [10].

В результате вооруженного конфликта на востоке Украины и аннексии Крыма в украинском обществе формируется любопытный феномен – на фоне борьбы с общим врагом, те мусульмане Украины, которые выступили с патриотических позиций, стали восприниматься обществом положительно, причем независимо от своих идеологических особенностей. Более того, понятие джихада приобрело положительную окраску – если конечно джихад против России и за Украину.

Еще одним примером конструирования обществом образа “положительного мусульманина” является муфтий Духовного управления мусульман Украины “Умма” Саид Исмагилов. Сам Саид, и организация им представленная, относятся к модернистскому вектору в украинской умме и имеют тесные идеологические, финансовые и организационные связи с движением “Братья-мусульмане” [22, р. 262]. Не имея большой поддержки среди мусульманских общин Украины (согласно статистики Государственного департамента по делам национальностей и религий, в состав ДУМУ “Умма” входит 11 общин, т.е. менее 5% от всех мусульманских общин Украины), но благодаря своему участию в упомянутом ранее молитвенном марафоне и активно демонстрируемой проукраинской позиции Саид Исмагилов приобрел широкую медиа-популярность среди патриотически настроенной общественности. Со стороны этой части

украинского общества, Саид Исмагилов воспринимается как “настоящий украинский патриот” и “настоящий мусульманин”. Более того, регулярно делая различные заявления “от имени мусульман Украины”, национально-патриотическим сегментом украинского общества он воспринимается именно как представитель всех украинских мусульман, превратившись в своеобразного “медиа-муфтия”.

Для моего исследования фигура Саида Исмагилова, в котором объединились [исламский] модернизм и [украинский] национализм, представляет интерес тем, что прекрасно иллюстрирует собой тезис Э. Геллнера о близости этих двух феноменов: “исламская реформация...склонна к национализму, иногда очень походила на него, и иногда была неотличимой от него...” [24, р. 8].

В результате усилившегося присутствия мусульман (представляющих различные течения в исламе и различные религиозные объединения) в информационном поле Украины, в том числе и благодаря их проукраинской позиции произошли определенные изменения в отношении государства к мусульманам. Так, 18 ноября 2014 года руководству ДУМУ председателем парламента Украины Александром Турчиновым были вручены награды за “значительный вклад в дело духовного возрождения Украины, борьбу за мир и благополучие в украинском обществе, активную социальную и благотворительную деятельность” [14].

Другим ярким примером изменения отношения со стороны властей стало подписание Меморандума о сотрудничестве между крымскими татарами и Днепропетровской областью, под которым поставили свои подписи тогда еще губернатор Днепропетровской области Игорь Коломойский и народный депутат Украины Мустафа Джемилев. Один из пунктов этого соглашения – возврат мечети 1914 года крымским татарам. До этого конфликт за возврат здания мечети между днепропетровскими мусульманами и днепропетровскими властями длился свыше 10 лет [18]. При этом интересы крымскотатарского землячества представляет Эльвин Кадыров, снятый с должности имама алуштинской мечети Юкары-джами Духовного управления мусульман Крыма за членство в организации “Хизбут-Тахрир” [5], что указывает на усиление роли этого движения среди крымскотатарских переселенцев.

Что касается изменения отношения украинского общества в целом к мусульманам, то здесь рано о чем-либо говорить. Пока в Украине не проводилось серьезных социологических исследований относительно изменения уровня ксенофобии в целом, и исламофобии – в частности¹. Даже возможное снижение уровня исламофобии (если опираться на анализ тональности украинских СМИ) ставит ряд вопросов. Каковы причины снижения? Связано ли это с общественным запросом на увеличение толерантности в украинском обществе в целом, или же это результат появления нового “чужого” в виде про-российских сепаратистов и России?

¹ Попытка изучить отношение к мусульманам в украинском обществе была предпринята ассоциацией “Альраид”, однако к их исследованию существует много вопросов прежде всего методологического характера. Более того, анонсированное ассоциацией исследование как “уникальное и единственное в своем роде”, при том что существует упомянутый мною ранее многолетний мониторинг КМИС исламофобских настроений в украинском обществе демонстрирует слабое знакомство исследователей “Альрайда” с проблематикой, что ставит под вопрос научную ценность их исследования.

Также возникает вопрос об устойчивости возможного изменения уровня исламофобии, насколько долгосрочный характер он носит. Станет ли улучшение отношения к мусульманам носить постоянный характер, или же нет? Как на характере межконфессиональных отношений отразится переселение части крымскотатарских мусульман, нередко имеющих фундаменталистские взгляды, в западную часть Украины, население которой известно своей религиозностью? Возможно ли после снижения интенсивности событий на востоке Украины обострение межконфессиональных отношений на западе страны, где, как я уже указывал ранее, традиционно существовала латентная ксенофобия к тем же крымским татарам? Уместность подобных опасений подтверждает и ситуация во Львове со строительством мечети. Так, летом 2014 года в львовских СМИ появилась информация о том, что мусульмане хотят построить в городе мечеть. Несмотря на декларируемое единство с крымскими татарами – вынужденными переселенцами, городская громада крайне болезненно и негативно отреагировала на эту новость [13]. Другим примером может служить конфликт в С. Новая Гребля (Винницкая обл.) между местными жителями и переселенцами – крымскими татарами [9].

Подводя итоги своего исследования я хочу отметить следующее. До начала социально-политического и военного конфликта в Украине (конец 2013 – сегодняшний день) отношение к мусульманам Украины носило в целом невыраженный исламофобский характер. При этом либеральное религиозное законодательство открывало широкие возможности для деятельности практически любых исламских течений (кроме откровенно радикальных). С началом конфликта религиозный фактор (в том числе мусульманский) приобрел в обществе большее значение. В то же время социально-политический конфликт конца 2013 – начала 2014 гг. продемонстрировал отсутствие единства как в целом среду украинских мусульман, так и внутри различных исламских групп Украины. Ярким примером стал раскол в салафитском движении, часть которого выступило на стороне протестующих Евромайдана, а часть – на стороне президента Януковича.

Значение религиозного фактора выросло в условиях военного конфликта с про-российскими сепаратистами на востоке Украины. Аннексия Крыма и военные действия на востоке Украины привели к переселению части мусульман из этих регионов в западные и центральные регионы Украины, что изменило баланс сил в самой украинской умме. Благодаря массовой миграции из Крыма своих сторонников, спасающихся от преследований российских спецслужб, усилило свои позиции движение “Хизбут-Тахрир”.

Милитаризация украинского общества и запрос на патриотизм привели к активизации в украинской умме реформистских движений, обращающихся к национально-ориентированной риторике. Востребованность обществом подобной риторики привели к росту популярности среди украинцев тех представителей украинской уммы, которые в самом мусульманском сообществе Украины имеют значительно меньшую поддержку, породив феномен “медиа-муфтия” или “муфтия для немусульман”.

Военный конфликт на востоке способствовал легитимизации в общественном

дискурсе поняття джихада, прежде всего его оборонительной формы (джихад аль-дафа'а). Также произошла активизация радикальной части украинской уммы, чьи представители вошли в состав добровольческих батальонов, ведущих боевые действия за территориальную целостность Украины.

На фоне консолидации общества против общего врага усилился межрелигиозный диалог, в котором объединяющим фактором стала выступать национальная идея. Однако в настоящее время пока рано говорить о необратимости происходящих изменений. Кроме того, существует ряд возможных проблем, вытекающих из сегодняшней ситуации. Прежде всего, существует риск усиления межконфессиональной напряженности внутри Украины, связанный с переселением мусульман в регионы Украины, отличающиеся высоким уровнем религиозности. Из-за активизации радикальных групп внутри Украины и возникновения интереса к внутриукраинским событиям со стороны международного джихадистского движения, для Украины существует опасность превратиться в транзитный коридор и плацдарм для тех радикальных групп, которые имеют свои претензии к России. Тем не менее, делать выводы о каких-либо изменениях как о свершившемся факте – рано, поскольку ситуация продолжает активно развиваться.

Л и т е р а т у р а :

1. Амир Салахаддин Шишани и наиб Абдул Карим Крымский: “О Лерамоне, Крыме и Джихаде” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.akhbarsham.info/2014/05/13/53/>
2. Брильов Д. В. Ісламістський вектор в українській уммі / Д. В. Брильов // Практична філософія. – № 4 (54). – 2014. – С. 181-190.
3. Дорофеев А. Исламисты проведут в Крыму международный форум [Электронный ресурс] / А. Дорофеев. – Режим доступа : http://nr2.com.ua/News/Ukraine_and_Europe/islamisty-provedut-v-krymu-mezhdunarodnyj-forum-44049.html
4. Заявление Всеукраинского Совета Церквей по результатам встречи с президентом и оппозицией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vrciro.org.ua/ru/statements/368-final-statement>
5. Иванов Л. Ряды крымских мусульман защищают от “строителей Халифата” [Электронный ресурс] / Л. Иванов. – Режим доступа : <http://obkom.net.ua/news/2004-10-15/1624.shtml>
6. Кочмар С. Наді мною знушалися за те, що я греко-католик – полонений російськими терористами священник Тихон Кульбака. [Электронный ресурс] / С. Кочмар. – Режим доступа : <http://gisu.org.ua/ua/index/exclusive/reportage/57813>
7. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. – № 5(109). – 2009. – С. 2-72.
8. Лихачев В. Исламофобия в Украине: новые тенденции [Электронный ресурс] / В. Лихачев. – Режим доступа : <http://eajc.org/page18/news25628.html>
9. Мартонікова І. Конфлікт у Новій Греблі. [Электронный ресурс] / І. Мартонікова. – Режим доступа : <http://www.misto.vn.ua/ua/home/main/8088>
10. Марченко Ю. Какслужитямусульманину в українській армії? [Электронный ресурс] / Ю. Марченко. – Режим доступа : http://umma.ua/ru/news/ukraine/Kak_sluzhitsya_musulmaninu_v_ukrainskoy_armii/27899#/0
11. Муфтият Крыма: в мечетях и домах верующих мусульман активно проводят обыски. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.krymr.com/content/article/26530025.html>
12. Мухин В. Исламисты в Крымчото-тозатавают. [Электронный ресурс] / В. Мухин. – Режим доступа : http://www.ng.ru/regions/2014-10-08/1_islamisty.html
13. Паїрник І. У Львові збудують мечеть тільки з дозволу громади. [Электронный ресурс] / І. Паїрник. – Режим доступа : http://zaxid.net/news/showNews.do?u_lvovi_zbuduyut_mechet_tilki_z_dozvolu_gromadi&objectId=1333293
14. Председатель Верховной Рады Украины наградил ДУМУ завклад в развитие Украинского общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://islam.ua/novosti/predsdatel-verhovnoy-radyi-ukrainyi/>
15. “Себат”: Мыездили в Киев, чтобыподставитьплечопрезиденту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://qha.com.ua/sebat-mi-ezdili-v-kiev-chtobi-podstavit-plecho-prezidentu-132065.html>
16. Сегодня флаг Украины – это флаг справедливости!!! [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

- http://battalionkrym.blogspot.ru/2014/07/blog-post_10.html#more
17. Скоро “Крым” [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://battalionkrym.blogspot.ru/2014/06/blog-post_5.html
 18. Старинную днепропетровскую мечеть отдадут крымским татарам. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.krymr.com/content/article/26793296.html>
 19. Хамзин А. В Украине царит агрессивная исламофобия. [Електронний ресурс] / А. Хамзин. – Режим доступа : <http://www.avdet.org/node/8144>
 20. Analytical report according to the results of the research “Regional tolerance, xenophobia and human rights in Ukraine in 2012”. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.ihrpex.org/upl/doc/zvit_jan_2013_eng_59.doc
 21. Biloslavo F. La jihad deitartari di Crimea. [Електронний ресурс] / F. Biloslavo. – Режим доступа : <http://www.panorama.it/news/marco-ventura-profeta-di-ventura/guerra-islamic-crimea-russia/>
 22. Brylov D. Muslim communities and Islamic network institutions in Ukraine: contesting author ities in shaping of Islamic localities / D. Brylov, O. Yarosh // Muslims in Poland and Eastern Europe: Widening the European Discourse on Islam / K. Górak-Sosnowska (ed.). – Warsaw : University of Warsaw, 2011. – P. 252-265.
 23. Gellner E. Muslim Society / E. Gellner. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981.
 24. Gellner E. Introduction / E. Gellner // Islamic Dilemmas: Reformers, Nationalists and Industrialization: Southern Shore of the Mediterranean. – Berlin-New York-Amsterdam : Mouton De Gruyter, 1985. – P. 1-9.

Брильов Д. В. Трансформація умми в контексті Майдану та військового конфлікту на сході України.

Стаття присвячена трансформаціям в українському мусульманському співтоваристві, а також змінам в ставленні до українських мусульманам з боку суспільства в умовах соціально-політичного та воєнного конфлікту в Україні в 2013-2015 рр. З позиції концепції Е. Гелнера про взаємозв'язок націоналізму та ісламського реформізму розглянуті трансформаційні процеси всередині української умми. Показані можливі варіанти подальшого розвитку подій, а також проблеми, з якими можуть зіткнутися українські мусульмани.

Ключові слова: іслам в Україні, ісламофобія, ісламський реформізм, військовий конфлікт, Майдан.

Briylov D. V. Ummah Transformation in the Context of Maidan and Military Conflict in Eastern Ukraine

The paper is addressed to the transformations in Ukrainian Muslim society, as well as to the changes in the attitude of the society towards Ukrainian Muslims under conditions of social-political and forced conflict in Ukraine in 2013-2015. Transformational processes inside Ukrainian Ummah are analyzed basing on the conception of E. Gellner on interrelation of nationalism and Islamic reformism. As a conclusion the possible variants of further events development, as well as the problems Ukrainian Muslims may face with are analyzing.

Keywords: Islam in Ukraine, Islamophobia, Islamic Reformism, forced conflict, Maidan

УДК 291.1

Бублик К. М.

КОНЦЕПТ ОСОБИСТОСТІ В ПРАВОСЛАВНІЙ ТЕОЛОГІЇ ХХІ СТОЛІТТЯ

У статті критично аналізується концепція особистості у православній теології американського мислителя Д. Б. Харта. Персонологія Д. Б. Харта представляє контури православної постмодерної теології.

Ключові слова: постмодерна теологія, православна теологія, пост-екзистенціалізм.